

K.H. Menges. Drei Schamanengesänge der Ewenki-Tungusen Nord-Sibiriens: aufgezeichnet von Konstantin Mixajlovič Ryčkov in den Jahren 1905–1909 / Herausgegeben, übersetzt und mit einem grammatisch-etymologischen Kommentar versehen von K.H. Menges. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften; Bd 89). 340 S.

В архиве Института востоковедения в Санкт-Петербурге хранится большая коллекция материалов по языку и этнологии эвенков, собранных в 1904–1913 гг. К.М. Рычковым (1882–1923), который отбывал политическую ссылку в Туруханском крае. К. Менгес имел возможность ознакомиться с частью этих материалов в 1976–1977 гг., еще в бытность профессором Колумбийского университета в Нью-Йорке (ныне он живет и работает в Вене). Рецензируемая монография представляет собой аналитическую публикацию тех текстов, которые при описании коллекции автор охарактеризовал как "наиболее ценные и в лингвистическом, и в этнологическом отношениях во всем собрании Рычкова" [Menges 1978 : 105]. Речь идет о ранее не издававшихся уникальных записях эвенкийских шаманских песнопений. Монография продолжает собой серию лингвистических исследований К. Менгеса по тунгусо-маньчжурскому шаманизму [Menges 1983].

Тексты записаны среди эвенков Илимпейской тундры (северная часть нынешней Эвенкийской Автономной Области Красноярского края). К сожалению, установить точно место, время и обстоятельства записи, имена шамана и других участников камлания не удалось: К. Менгес располагал только

тетрадь, в которой тексты переписаны на белом под заголовком "Описание шаманских обрядов арбалден, ваптын и хинкалөрөн" (Архив СПО ИВ РАН, фонд 49, оп. 1, ед.хр. 4, 66 стр.). Речь идет об обрядах заклинания духов (при лечении больного), принесения кровавой жертвы и мольбы об удаче на охоте. Материалы К.М. Рычкова содержат краткое описание действий шамана и тексты 28 исполнявшихся при этом песнопений – в общей сложности 1773 стихотворных строки, каждая из которых содержит чаще всего одно слово, нередко с добавлением метрических расширителей (Füllsel, Füllsilben).

Переводы на русский язык в тетради К.М. Рычкова (как и их частичная эвенкийская "перефразировка", осуществленная им в полевых условиях – возможно, с помощью самого шамана) зачастую приблизительны или просто ошибочны. К. Менгес, сопровождая каждую строку и оригинальным переводом, и собственным переводом на немецкий язык, постарался по мере возможности устранить этот существенный недостаток. Тем не менее, и после аналитической правки тексты нередко оставляют впечатление полухаотического набора слов, ср., например, следующий фрагмент (строки 193–208):

<i>Ātyrkākyl</i>	Старуха	Greisinnen
<i>Arbažākyl</i>	Арбаут	Beschwörungsplätze
<i>Tōriūlwe</i>	Сын	Gerade dorthin
<i>Ētiŋ</i>	Радуга,	Der Donner
<i>Mimhunūn</i>	Моя	Mit der Meinen
<i>Ērba žūrwe</i>	Эта сторона	In soviele Richtungen
<i>Dōryldirin</i>	С приподнятыми руками	Ihre Gesichter
<i>Bajerēn</i>	Человек	Menschen
<i>čūkorŷlwe</i>	Травы	Grüne Pflanzen
<i>Tōryldūli</i>	С этой стороны	Auf jener Seite
<i>Ulŋŷŷlwe</i>	Известия	Geschichten
<i>žākaldēli</i>	Принеси	Reichtümer
<i>Dūnda ēni</i>	Земля–мать	Mutter Erde
<i>Tōholdōli</i>	Лежит	Lässt sich nieder
<i>Būyŋdōrwe</i>	Быгындора (мугуна земли)	Der Būyŋdōr (Muyūn ner Erde)
<i>Ētāndylwe</i>	Нет	Will nicht.
Или (строки 978–994):		
<i>Hānyrākōl</i>	Слушайте,	Wenn sie ausser Atem kommen,
<i>Tyd'ūrānal</i>	Собирайтесь в кучу	Geht zusammen vor!
<i>Tūyŋrādūli</i>	Прямо,	Am verabredeten Ort
<i>Tōryŋrōldel!</i>	Старые духи!	Heisshungrige (Raubgeister)!

<i>Ūlakānel</i>	Желобом	Werdet durchnass!
<i>Xērunīlwa</i>	Радуги	Regenbögen—
<i>Kūrku kōlten!</i>	Ключицу ешьте!	Schlüsselbeine sind ihre Speise!
<i>Tālyurōnin...</i>	Яснеет...	Es wird Tag...
<i>Tālyarāmi...</i>	Водоворот...	Der Wasserwirbel...
<i>čīyurnōyldy...</i>	Пуп...	Geht Euch im Kreis drehen!
<i>Ūtolōptyn</i>	Старинный отец	Ihr Früheren (Alten),
<i>žōrkunōlbe</i>	Ученый!	Heilt!
<i>Kītyrjōlde</i>	Не могу достигнуть	Sie sind unterlegen —
<i>Gūtorķildy</i>	хутар'а (умерш. шамана)	Die Urenkel —
<i>čāirarjlin</i>	— Яра земли	Entbrannt (?)
<i>Ajākākun...</i>	Доброго...	Sehr gut —
<i>Enārķōkun</i>	Напрасно	Zum Lachen!

Подобные странности текстов могут быть связаны с рядом причин. К. Менгес подчеркивает, что, во-первых, язык шаманских песнопений во многом отличен от известного по словарям и грамматическим описаниям "обычного" эвенкийского языка, хотя в целом тексты обладают типичными чертами его северного (илимпийского) диалекта. Во-вторых, многие слова искажены едва ли до неузнаваемости метрическими расширителями в суффиксальных слогах (некоторые из них выделяются сравнительно легко, ср. выше *uljūrjylwe*, *xērunīlwa* вместо обычных *uljūr* "рассказ, сообщение", *xērun* "радуга", другие опознаются с другом). В-третьих, экзотическое состояние шамана во время камлания мешало ему следить за логической связностью речи и грамматической завершенностью фраз. Но, пожалуй, не менее существенная причина кроется во вполне объяснимой неадекватности самих записей в первой колонке. К. Менгес указывает, что делались они непосредственно по ходу обряда и без использования какой-либо звукозаписывающей техники (с. 39). Возможно, К.М. Рычкову пришлось вести записи в полутемном чуме, в неудобной позе, находясь на расстоянии от исполнителя-шамана, под звуки бубна и не имея возможности ни полностью расслышать слова песнопений, ни переспросить. Его познания в эвенкийском языке были также далеки от совершенства. Следует признать, что в этих неблагоприятных обстоятельствах исследователь-полевик сделал максимум возможного — результат (качество записей) мог бы оказаться гораздо худшим. Однако, судя по всему, тексты изобилуют неправильно записанными и поэтому неопознаваемыми формами, ввиду чего остаются гипотетичными и многие из предложенных издателем интерпретаций. Кроме того, К.М. Рычков вряд ли мог успеть записать каждую пропетую строку — в текстах явно немало лакун (иногда обо-

значенных многоточиями), разрушающих синтаксическую и смысловую цельность фрагментов.

Несмотря на возможную дефектность текстов (и, соответственно, их ограниченную ценность в качестве собственно лингвистических источников по эвенкийскому языку), они чрезвычайно интересны для изучения языковой техники эвенкийского — и сибирского в целом — шаманства. До сих пор опубликовано крайне мало тунгусо-маньчжурских шаманских текстов, причем имеющиеся публикации отражают только фрагменты обрядов. Впрочем, к подробной библиографической справке К. Менгеса (с. 11 и сл.) можно добавить, что — по сведениям из петербургского ИЛИ РАН — в 1987 г. Н.Я. Булатова, А.Н. Мыреева и Г.И. Варламова смогли записать от 90-летней эвенкийской шаманки Матрены Курбельтиновой из села Иенгра (в Якутии) полный текст "домашнего" камлания.

По крайней мере один существенный признак бросается в глаза при сопоставлении записей К.М. Рычкова с шаманскими текстами северных самодийцев (непосредственных соседей илимпийских эвенков), в том числе с недавно опубликованными полными транскрипциями двух камланий нганасанского шамана Тубяку Костеркина [ТЭС 1994]. Если отдельные формы и строки в записи К.М. Рычкова выглядят сомнительными, то не вызывает сомнений аутентичность отраженной в его записях типовой метрической схемы шаманских песнопений. Подавляющее большинство строк строго четырехсложны — это хорошо видно и в процитированных выше фрагментах, причем проставленные в них долготы скорее всего маркируют мелодическую протяжку гласного (обычно в 1-ом и 3-ем слогах) или просто иктус, чем и объясняются многочисленные "неэтимологические" долготы. Со стремлением следовать данной схеме связано и использование расширителей.

Фактически та же метрическая схема систематически представлена в шаманских песнопениях ненцев и нганасанов – она описывается как восьмисложник с делением строки на четыре трохеических стопы с обязательной цезурой после второй стопы (‘ . ‘ . | ‘ . ‘ .) [ТЭС: 25]. В этом контексте совершенно точным является указание К. Менгеса на метрическое сходство текстов Рычкова с "Калевалой" (с. 27). Рецензент имел возможность высказать предположение о непосредственной генетической связи северносамодийского шаманского восьмисложника с восьмисложником прибалтийско-финского эпоса, в основе которого, по мнению ряда фольклористов, лежит утраченная традиция шаманских камланий, см. [Helimski 1990; Helimski 1993].

Значительную часть книги (с. 129–319) составляют комментарии к грамматике и лексике текстов. Как это вообще характерно для работ К. Менгеса, анализ отдельного слова нередко непосредственно переходит в пространный этимологический экскурс с указанием широкого круга возможных алтайских и ностратических параллелей. Поскольку словоуказатель к книге (с. 323–339) составлен, на наш взгляд, весьма неудобно (эвенкийские формы приведены вперемешку со словами других языков и с праязыковыми реконструкциями, причем указания на языковую принадлежность форм отсутствуют), приведем здесь перечень ряда дистантных этимологий, в особенности малоизвестных или новых, которые К. Менгес рассматривает относительно подробно, со ссылкой на страницу книги и на номер соответствующего комментария:

- алт. [*aka] "старший брат" – с. 223, № 838;
- алт. [*am-] "отдыхать, спать" (~ лат. *amāre*) – с. 183–184, № 401;
- алт. *bī "лезвие" – с. 163, № 185; с. 203–204, № 589;
- алт.: тунг. *bōq'у "привязать", монг. *boqo-*, тюрк. *boq-* – с. 195, № 506/507;
- ностр.: и.-е. *dhegʷh- "гореть", тунг. *žagda-* – с. 182, № 388;
- алт. *dūri "лицо" – с. 157, № 125;
- ностр.: и.-е. *ǵhans-/ǵhans- "гусь", тунг. *gasa* – с. 306, № 1635;

- ностр.: и.-е. *ghei-m- "зима", тунг. *xima-* "снег", яп. *simo* "мороз" – с. 242, № 1057;
- ностр.: *KejV "делать" (Иллич-Свитыч) + и.-е. *kʷoi- – с. 161, № 160;
- ностр. "кость": урал (фин. *luu*), драв. (тамил. *elumpu*) – с. 151, № 92;
- ностр.: алт. (экв. *mulli-* "не мочь", кор. *tōry-*), драв. [mal-] "не" – с. 297, № 1548;
- алт. *ö "верх, вершина" – с. 156, № 118;
- алт. [*ōr-] "внутренность" – с. 175, № 334;
- вост.-ностр. *pal/*paṛ "зуб, клык" – с. 216–217, № 745;
- алт. *paṛ(a)- "ступня, ладонь" – с. 317–318, № 1765;
- алт. *pi-/pü- "ребенок" к ностр. *pV- (урал., и.-е., драв.) – с. 174, № 323;
- алт. *qutu ["душа, дух, магия"] – с. 244–246, № 1076; с. 270–272, № 1248;
- алт.: тунг. *siri-* "кроить", тюрк. *syry-*, мохг. *širi-* – с. 172, № 296;
- алт. *tal/*tyl "камень" – с. 239, № 1022;
- алт. *tur- "стоять" – с. 137–138;
- алт. *ty-ya "тамошний, тот (дальний)" – с. 140, № 12;
- алт. *xarpa-/xarpu- "махать, мести" – с. 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Menges K.H. 1978 – Die ewenki-tungusischen Materialien von K.M. Ryčkov // UAJ, 1978, Bd 50.
- Menges K.H. 1983 – Materialien zum Schamanismus der Ewenki-Tungusen an der Mittleren und Unteren Tunguska / Gesammelt und aufgezeichnet von Innokentij Mixajlovič Suslov; eingeleitet, übersetzt, Anmerkungen, Glossar, Indizen: K.H. Menges. Wiesbaden: 1983, 8)
- ТЭС 1994 – Таймырский этнолингвистический сборник / Под ред. Е.А. Хелимского. Вып. 1: Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М., 1994.
- Helimski E. – Octosyllabic and hexasyllabic verse in Northern Samoyed // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2A. Summaria dissertationum. Linguistica. Debrecen, 1990. P. 75.
- Helimski E. – Does the language of spirits influence the development of human language? // Shamans and cultures / Ed. by M. Hoppál and K.D. Howard. Budapest, 1993.

Е.А. Хелимский